

С.В. Куликов, Москва, 1967, 23 мая

ТАЛАНТ, ПОМНОЖЕННЫЙ НА КИНО

«ВНЕШНЕ экран все преувеличивает. В пещерах, подобных градины величиной с детскую голову... Тем не менее и кинемато-

граф со всеми своими чудесами не в силах увеличить бездарность до таланта. Но зато истинный талант, помноженный на возможности кино, становится достоянием миллионов». Эти слова американского драматурга Юджина О'Нейла вспомнились мне при первой личной встрече с Клаудией Кардинале. В «Рокко и его братьях», «Восьми с половиной», «Невесте Бубе» мы видели очень разных героинь, созданных силой ее яркого, своеобразного дарования. Пожалуй, объединяет их лишь редкое обаяние, какая-то интеллигентная сдержанность, скромность и... монументальность. Операторская камера рисует ее нам рослой, сильной, чуть ли не атлетически сложенной актрисой. А в гостинице нас встретила грациозная, небольшого роста, почти что хрупкая женщина. Удивительно скромная, обаятельная. А эти привычные человеческие свойства могут стать удивительными для актрисы, чьи портреты появляются на обложках самых распространенных итальянских изданий не менее 50 раз в неделю, о которой публикуется во всей национальной прессе до 80 статей в день! Но некоторая первоначальная сдержанность исчезает, когда Клаудия Кардинале начинает говорить о своих первых советских впечатлениях.

— Самое большое увлечение моей жизни, разумеется, кроме кинематографа, — путешествия. Я заранее готовлюсь к ним. С волнением жду, совпадут ли мои представления о той или иной стране с действительностью. Перед самым приездом в Москву я

Корреспондент «Советской культуры» в гостях у Клаудии Кардинале

долго беседовала с Федерико Феллини. Он сказал мне, что его впервые в жизни до слез растрогало ни с чем не сравнимое удивительное гостеприимство. Гостеприимство советских людей.

— Народ, который так истово, с такой любовью относится к киноискусству, не может не вызвать восторга у любого кинематографиста. Они смотрят фильмы в залах, где тихо, как в храмах. Обязательно сходи в самый обычный кинотеатр, и ты убедишься в этом, — взволнованно говорил мне Феллини.

— Могу сказать, что все же действительность превзошла все мои ожидания. Я встретила с вашими людьми и поняла, почему в советских фильмах так много подлинной поэзии, романтики, чистоты и благородства в отношениях между людьми. Я еще здесь, а ловлю себя на мысли, что с нетерпением жду нового путешествия в вашу страну. Думаю, что мне удастся совершить его вновь очень скоро, в дни V Международного кинофестиваля в Москве. Я давно мечтаю побывать на этом сравнительно молодом, но завоевавшем большой авторитет во всем мире киносмотре. Лишь за два года до открытия I Московского фестиваля начался мой путь в кино.

Это было 9 апреля 1957 года. В этот день во время лекции по математике тихо открылась дверь последнего класса арабского лица в Тунисе, и в аудиторию вошел французский кинорежиссер Жак Баратье. Семнадцатилетние девушки, деятельно готовившиеся

к экзаменам на аттестат зрелости, не сразу обратили на него внимание. Но он сразу же заинтересовался одной из лучших учениц класса. Так Клаудия Кардинале стала исполнительницей роли молодой арабской девушки в его фильме «Гоха». Кстати сказать, в семье Кардинале — выходцев из Италии, в ходу были два языка: арабский и французский. Уже несколько лет спустя в Риме будущей актрисе пришлось брать уроки родного... итальянского языка.

— Многие считают, что начало моего пути в кино связано с фильмом Марио Моничелли «Обычные незнакомцы». Однако после самой первой работы с Баратье я получила еще несколько предложений участвовать в картинах, снимавшихся тогда в Тунисе, но отказалась от них. Я считала, что моему характеру ближе профессия учительницы, чем киноактрисы. Мне казалось зазорным говорить о своих собственных чувствах даже самым близким людям. А тут выворачивайся наизнанку, заставляй себя твердить «люблю» человеку, который глубоко тебе чужд. Но все же судьбе было угодно, чтобы я стала киноактрисой. И мало сейчас на свете вещей более драгоценных для меня, чем эта профессия. Мне кажется, я овладела ею. Ведь все же «профессорами» в моем «киноуниверситете» были Феллини, Висконти, Моничелли, Дзурлини, Коменчини, такие актеры, как Маньяни, Сорди, Мastroяни.

Я напоминаю Кардинале отзыв

о ней Марчелло Мastroяни: «Она единственная нормальная актриса в этом стаде неврастеников и истеричек». Клаудия весело смеется. Потом внезапно умоляет, после небольшой паузы говорит со вздохом:

— Знаете, слишком много поводов в мире, в котором мы живем, чтобы, как у нас говорят, «кинодиве» стать чрезвычайно нервной особой.

— Мы готовы с экрана рассказывать о чувствах наших героев, благородных и низменных, простых и сложных. Но кое-кто, потворствуя вульгарным, обывательским страстям, делает нашу жизнь совершенно невыносимой. Ни один шаг популярного артиста не проходит незамеченным всевидящим оком похабных бульварных журнальчиков. Вы прочитаете о себе самые дикие домыслы, немислимые сплетни. Вас оплевывают на том основании, что вы, дескать, теперь уже не принадлежите себе, вы — достояние всех, а потому не имеете права ни на какую личную жизнь. Вся эта печатная мерзость приносит колоссальные прибыли владельцам подобных грязных листов. А обыватель, развращенный ими, требует новых сенсаций. Его меньше всего интересует искусство. Ему подавай не рассказы о работе артиста, его мыслях, стремлениях, а пикантные подробности нашей жизни. А если таковых нет, тем хуже для нас. У распаленной фантазии репортеров скандальной хроники нет границ.

А как велика ответственность

и нас, кинематографистов, за воспитание вкусов, наклонностей подрастающего молодого поколения! Я совершенно убеждена, что целая волна фильмов, обрушенных за последнее время на европейскую, и в том числе на итальянскую молодежь, прославляющих насилие, распушенность, всяческих гангстеров, явилась одной из основных причин небывалого роста преступности. А ведь некоторые из режиссеров, защищая право на производство порнографических, аморальных лент, прикрывают это разговорами о свободе творчества.

Но будущее настоящего кинематографа, конечно, в произведениях, затрачивающих серьезные проблемы, волнующих миллионы людей, в лентах гуманистических, воспевающих человека, а не принижающих его. И так уж сложилась моя жизнь в кино, что самыми интересными для меня ролями, заставляющими думать, глубоко понять характер изнутри, были образы героев литературных произведений. Маленькой учительнице из Туниса довелось лично познакомиться с создателями книг, которыми я зачитывалась в юности. Примерно два десятка лент с моим участием из тридцати двух — экранизации известных литературных произведений. И, предвзята ваш неизбежный вопрос о планах на будущее, скажу, что и три фильма, в которых я снимусь в нынешнем году, тоже экранизации. Каких произведений? Это пока секрет. Я уверена, что с лучшими из них вы встретитесь на экране.

Ф. АНДРЕЕВ.

Фото Ю. Пасечного.

